

— Разсказывай, разсказывай впередъ!

И царевичъ тоже докучаетъ

— Вотъ что, говоритъ мальчикъ, Ваше Царское Величество, я дальше разсказывать буду, только поставь стражу кругомъ дому, салдаты со штыками.

Царевичъ разоставилъ салдаты подѣ окошкомъ, чтобы наголіи со штыкамъ стояли. И началъ мальчикъ разсказывать про енерала, какъ царь послалъ его на караблѣ везти сноху съ сыномъ. Только сталъ разсказывать,—енераль бухъ бросился въ окно, прямо на штыки и закололся. Тогда пришла прачка, въ ноги пала царевичу.

— Вотъ я тебѣ хозяйка, а ты мой мужъ, а это твой сынокъ.

Вотъ гдѣ они сошлись!

Зап. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

4. Купленная дѣвушка.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ, въ одномъ городѣ жилъ купецъ именитой, богатой, первой гильдіи и надъ купцами ратманъ былъ. Этотъ купецъ и помѣрь, осталась одна хозяйка съ сынкомъ; небольшой еще былъ. Эта хозяйка и прожила всё имѣнье и не замогла сына кормить, и сынокъ по міру пошолъ. Вотъ купцы и говорятъ другъ про дружку:

— Какъ время-то идетъ! Отецъ былъ купецъ именитой и богатой, надъ нами ратманъ былъ, а сынокъ все имѣнье прожилъ, по миру пошолъ. Купимте ему ружье, пусть стрѣляетъ рябчиковъ, заплотимъ ему двадорога: пуцай кормится съ матерью.

Вотъ созвали его, къ собѣ позвали.

— Что, Ванюшка, сказали, будешь въ лѣсъ ходить да рябчиковъ стрѣлять да намъ носить, а мы будемъ тебѣ двадорога платить?

Онъ говорить:

— Буду!

Вотъ онъ ходитъ въ лѣсъ, хорошо рябчиковъ стрѣляетъ и имъ носить. Хорошо сталъ жить и по міру не пошолъ. Ходитъ онъ долго ли, коротко ли, — я сказываю скоро,

онъ ходить по своему успѣху, — быть-можетъ, долго проходилъ.

Въ одно празынісьнѣе время походить онъ въ лѣсъ. Мать и говорить ему:

— Что ты, доброхоть, въ эдакой праздникъ походишь въ лѣсъ! Можно и въ такіе дни находиться.

Иванушка матеръ не послушалъ, пошолъ въ лѣсъ. Въ лѣсу и заблудился, ходить, не зная, какъ и домой попасть. Вдругъ идетъ ему навстрѣту человѣкъ выше лѣсу стоячаго, такой ростомъ, и крычить:

— Парень, купи дѣвку.

— На что, говорить, я куплю, когда у меня денегъ нѣтъ.

— Врешь, говорить, сукинъ сынъ: у тебя 20 копеекъ денегъ есь въ корманѣ.

Дѣствительно, онъ пошшупалъ—есь у него 20 копеекъ денегъ въ корманѣ.

— Давай, говорить, деньги, а я тебѣ оддамъ дѣвку. Тотъ далъ ему деньги, а этотъ ему дѣвку. Получилъ Иванушко дѣвку и дорогу увидѣлъ. Домой пошолъ съ дѣвкой. Приходитъ домой, а мать его сичасъ ухватомъ,

— Ахъ ты, дуракъ, ходишь вотъ за чѣмъ! Привелъ ишшо на домъ!

Дѣвка и говорить:

— Бабушка не бранись: онъ меня купилъ на деньги. Бабка и не стала сердиться.

— Хорошо, говорить дѣвушка Ивану, ты сходи въ рынчекъ, купи клубокъ шолку, а другой золота. Иванушка сходилъ, купилъ. Она сѣла ширинку вышивать.

— А ты, говорить Ивану, похлебай квасу да помолись Спасу да ложись спать.

Ширинку вышила и положила на тарелочку, платкомъ закрыла. Поутру розбудила его.

— Вотъ, говорить, Иванушка, бѣжи къ царю съ этой ширинкой прямо, а купцамъ не показывай не однѣму.

Прямо бѣжить онъ по рынку, а купцы крычатъ:

— Ваня, ко мнѣ неси! Ваня, ко мнѣ неси!

А онъ ни къ кому не приворачивать, бѣжить прямо къ царю. Выбѣжалъ на Неской пришекъ. Вдругъ выбѣгать изъ зелена кабачка пьянюшка.

— Далечо ли, Ванюшка, пошолъ?

— Да къ царю пошолъ.

— Ну, иди съ Богомъ.

Царю дѣлають докладъ, что пришолъ мальчикъ. Царь приказалъ пустить. Вотъ онъ зашолъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особинку.

— Здравствуй, добрый человекъ, говоритъ царь, далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

До вашей милости, Ваше Царско Величество, съ подарочкомъ.

— Ну, кажи подарочки.

Царь посмотрѣлъ ширинку и сказалъ:

— Ну, другъ мой, этой ширинки твоей я и цѣны не знаю! Поди въ банкъ; сколько тебѣ денегъ нать, только возьми ихъ въ мѣшокъ и неси.

Отворили Иванушку банкъ. Онъ денегъ наклалъ въ мѣшокъ, и домой. Пришолъ домой съ деньгамъ. Эта дѣвушка выняла деньги, сколько ей требуется, и сказала:

— Поди, купи два клубка шолка и два клубка золота.

Сбѣгалъ Иванушко въ рыночекъ, купилъ два клубка шолку и два клубка золота. Дѣвушка опять стала ширинку вышивать, а онъ спать завалился. Вышила ширинку, на тарелочку положила и платкомъ закрыла. Поутру и будить его опять.

— Иди, Ванюшка, къ царю прямо, не показывай купцамъ никакому. Вотъ Ванюшка пошолъ къ царю, купцы кричатъ ему:

— Ваня, неси ко мнѣ! Ваня, неси ко мнѣ!

А онъ не привораживать ни къ какому. Вышелъ на припекъ на Неской, прямо къ царю идетъ. Приходитъ къ царю, тамъ дѣлають докладъ, что такой-то мальчикъ пришолъ. Царь велѣлъ допустить. Вотъ заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, Царю въ особинку.

— Ну, здравствуй, Иванушко, говоритъ царь, далечо ли вы пошли, далечо ли вы путь держите?

— До вашей милости, Ваше Царско Величество, съ подарочкомъ.

Платочикъ снялъ, ширинку показалъ. Царь посмотрѣлъ и сказалъ ему:

— Ну, я и не знаю цѣны этой ширинки твоей! Поди въ банкъ, носи сколько денегъ можешь унести.

Вотъ онъ зашелъ въ банкъ, ему отворили, и онъ началъ деньги въ мѣшокъ класть; накласть ношу и домой пришелъ съ деньгамъ. Эта дѣвушка выняла деньги, сколько ей требуется, и на этотъ разъ велитъ ему купить три клубка шолку и три клубка золота. Онъ принесъ ей. Она ему говоритъ:

— Ложись спать, а мнѣ некогда: буду ширинку вышивать.

Вышила она въ ночь ширинку лучше тѣхъ, на тарелочку положила и платочкомъ закрыла. Ночь прошла. Опять поутру и будить его.

— Поди, говоритъ, Иванушка, съ подарочкомъ къ царю, а купцамъ не показывай.

Иванушка прямо къ царю и пробѣжалъ, хоть и крычали купцы: „Свороти къ намъ!“ Пришелъ онъ къ царю. Сдѣлали докладъ, царь приказалъ пустить. Заходитъ онъ въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

— Да вотъ, Ваше Царско Величество, до вашей милости съ подарочкомъ.

Платокъ снялъ съ ширинки. Царь посмотрѣлъ и сказалъ ему:

— Ну, другъ мой, денегъ у тебя теперь довольно, будь же ты мнѣ крестовой братъ, промѣняемся мы съ тобой крестамъ, и будь же ты надо всѣмъ купцами ратманъ. По-становимъ, чтобы другъ безъ дружки думы не думать и дѣла не дѣлать. Если ты хорошо задумаешь, такъ мнѣ скажи; а если я задумаю, такъ я тебѣ скажу тоже. И записи сдѣлаемъ на это. Поди теперече домой, денегъ у тебя довольно, выстрой лавки, гдѣ тебѣ угодно и набери прикащиковъ и товаровъ. Вотъ приходитъ домой къ маткѣ и къ дѣвкѣ, сдѣлалъ какъ ему велѣлъ царь, сталъ надо всѣмъ купцами ратманъ и сталъ ихъ жать. Вотъ эти купцы вознегодовали на его, на Ванюшку.

— Вотъ, говорятъ, робята, мы его пожалѣли сперва, ружье купили, а онъ вонъ куды вылѣзъ! Что, робята, намъ

надъ имъ сдѣлать? Пойдемте человѣкъ десять, повремте царю чего-нибудь, дакъ отмѣнитъ его.

Вотъ собралися человѣкъ двадцать или пятнадцать, и пошли эти купцы. Идутъ они по Нескому пришепту. Вдругъ изъ зелена кабачка пьянюшка и выскакивать.

— Здравствуйте, господа купцы! далечо ли вы пошли, далечо ли вы путь держите?

— Да пошли на своего ратмана, а на царѣва брата, поврать чего-нибудь.

— Ничего вы, робята, не знаете, сказалъ пьянюшка. А купите мнѣ четверть вина, такъ я вамъ скажу.—Четверть водки взяли.

— Становите на столъ, садитесь. Ну, вотъ какъ прѣдете къ царю, такъ и скажите, что нашъ ратманъ, а твой братъ похваляется въ одну ночь устроить хрустальный мостъ и золотыя перила отъ твоего дворца до Неськаго монастыря. И какъ къ заутрени колоколъ, такъ цвѣтъ будетъ распуцаться кругомъ моста, а какъ отъ заутрени пойдутъ, цвѣтъ будетъ опадать. А къ обѣдни въ колоколъ—ягоды и всяки фрукты наливаться будутъ, а отъ обѣда пойдутъ—кушать готовы будутъ.

Купцы пришли къ царю и рассказали, что такъ и такъ, нашъ ратманъ, а вашъ названный братъ похваляется выстроить мостъ. Осударь послалъ за крестовымъ за братомъ. Братъ пришолъ, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Какъ же, братецъ, у насъ съ тобой уговоръ былъ: другъ безъ дружки думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ купцамъ—вахлакамъ занимаешься разговорами пустыма. Чтобы былъ сдѣланъ хрустальный мостъ съ золотыми перилами. Если не сдѣлаешь, такъ голова съ плечъ, а если сдѣлашь, такъ и ладно.

Также и сады приказалъ сдѣлать.

Идетъ Иванушка отъ царя домой. Эта дѣвушка увидала и говоритъ:

— Что же ты, Иванушка, не вѣселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ.

— Ахъ, подлянка, може, изъ-за тебя смерть приходитъ. Рассказалъ ей про то, что задалъ ему царь.

— Это, говоритъ она, не служба, а службишка! А служба

вся будетъ впереди. Похлебай-ко лучше квасу да помолись Спасу да и ложись спать.

Иванушко улегся, а она принялась за работу и сдѣлала хрустальный мостъ—золотыя перила. Поутру и будить его:

— Иди, говорить, на хрустальный мостъ, поколачивай молоточкомъ. Пришелъ онъ на мостъ, поколачивать молоточкомъ. Царь къ заутрени пошелъ по хрустальному мосту. Слишкомъ, чуть затылка не расшибъ. А отъ заутрени пошелъ, цвѣтъ опалъ—ловко итти. А къ обѣдни пошелъ—стали ягоды ужъ наливаясь, а отъ обѣдни пошелъ—кушать ужъ готовы. По всѣмъ этимъ садамъ пошелъ со своей свитой, до вечера проходилъ.

— Вѣкомъ, говорить, не видалъ, чтобы были экіе фрухты!

А купцы вознегодовали еще больше. Эко мѣсто сдѣлалъ! Пошли опять человѣкъ двадцать къ царю. Опять идутъ по Неському прищепту. Пьянюшка опять и выскакивать изъ кабака.

— Здравствуйте, господа кунцы! Далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

— Пошли къ царю на царева брата, а на своего ратмана поврать чего-нибудь царю.

— Ничего вы не знаете, робята. Купите мнѣ полведра вина, я вамъ скажу, что врать надо.

А что купцамъ полведра вина, много ли значить?

Купили ему и поставили на столъ.

— Вотъ слушайте, говорить пьянюшка. Какъ придете къ царю, такъ и говорите: „Вотъ, царско величество, нашъ ратманъ, а вашъ названный братъ похваляется сходить въ тридесято царсво, въ тридесято государсво достать гусли-самоигры.“ Смотрите, говорить, если достанетъ,—худо будетъ, а не достанетъ—хорошо.

— Ну, худо ли, хорошо ли будетъ, нать итти.

Пришли къ царю и рассказали ему все. Купцы ушли, а царь опять за братомъ послалъ. Братъ заходить въ бѣлокаменны полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особинку.

— Какъ же, братецъ, мы съ тобой запись сдѣлали, другъ безъ друга думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ экима вахлакамъ разговоры ведешь.

— Я только, говоритъ Иванушко, сонъ свой знаю, а больше ничего не знаю.

— Должно быть, знашь! Почему же они знаютъ твой сонъ? Если бы не разговаривалъ съ имѣ, они бы не знали.

Царь разгнѣвался и говоритъ:

— Чтобы были достаты гусли-самоигры, а если не досташь—голова съ плечъ.

И пошолъ нашъ Иванъ домой не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ.

Дѣвушка и спросила опять:

— Что-то идетъ Иванъ не веселъ, что-то головушку повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Ахъ ты така́я-сякая, изъ-за тебя, можетъ быть, смерть приходитъ.

Она и говоритъ ему:

— Опять какую тебѣ службу задали?

— Да такъ и такъ, надо сходить въ тридесято царско, въ тридесято государско, чтобы достать гусли-самоигры.

А она говоритъ ему:

Это не служба, а слѣжбишка, а служба будетъ вся впереди. Взялъ ты у царя карапъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ иди въ гавань, выбирай (пѣшкомъ вѣдь не пойдешь за тридеветь земель, за тридеветь морей) и своимъ купцамъ распорядись, чтобы выгнали на паратно мѣсто своихъ дѣтей; у кого два, у кого пять, а у кого и одинъ,—чтобы всѣхъ гонили.

Иванушко пошелъ къ царю и спросилъ у царя позволенья выгнать купеческихъ дѣтей на паратно мѣсто.

— Ты самъ ратманъ, говоритъ царь, ты это сдѣлай своей властью.

Пошелъ Иванушка и выгналъ купеческихъ дѣтей.

— Вотъ поди, посылать его дѣвушка, выбери наилучшихъ людей, сорокъ два человѣка. У которого два сына—бери, у которого три—бери, и у которого одинъ, да хорошей, дакъ тоже бери, не оставляй.

Вотъ онъ и выбралъ и прямо отправлять на карапъ, а тѣ кричатъ:

— Дай мнѣ переодѣться!

А тотъ:

— Дай мнѣ кусокъ хлѣба взять.

А онъ всѣхъ безъ изъятія протащилъ на карапъ, а самъ съ матерью пришолъ проститься и съ дѣвушкой. Дѣвушка дала ему свой именной перстень, а онъ его на руку не наложилъ, а въ платокъ завернулъ и въ корманъ. Пришолъ на карапъ. Якоря выкатали, паруса подняли. Идутъ они моремъ близко ли—далеко и подходятъ подъ то государство, гдѣ гусли работаютъ. Паруса опустили, якоря покидали въ воду. Онъ пошолъ на берегъ и спрашивать ребятъ:

— Ребята, гдѣ этга мастеръ, который работать гусли-самоигры?

Робята отвели его. Приходитъ въ комлату къ мастеру. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, мастеру въ особинку.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, говоритъ мастеръ, далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

— До вашей милости: нать гусли-самоигры сработать.

— Есь-ли у тебя двадцеть одинъ человѣкъ на карабли?

— У меня не то что есь двадцеть одинъ, а есь сорокъ два.

— Ну, есь, дакъ пойдѣмъ на карабъ людей выбирать.

Повелъ Иванъ мастера на карапъ. Пришли на карапъ. Вывелъ Ванюшка людей въ ширингу. Мастеръ сталъ выбирать и двадцеть одного человѣка выбралъ изъ сорока двухъ.

— Ну, пойдѣмъ теперъ въ мастерскую работать гуслей.

Повелъ ихъ мастеръ въ мастерскую, сейчасъ одного человѣка на машину распялилъ и сталъ изъ ёго жильё тянуть.

— Ты, говоритъ, Иванушка, сиди, не дремли; а если задремлѣшь, тотъ человѣкъ не годится, надо другого портить.

Тотъ сидитъ на стули, а мастеръ сталъ жильё тянуть изъ человѣка. Иванушку одолилъ страхъ, и онъ сталъ дремать.

— Ты что, говоритъ, дремлѣшь?

— Нѣтъ, я такъ задумался.

— Ну, то-то, смотри сиди, не дремли.

Сталъ Иванушка пули сморкать, платкомъ утираться. Перстень и увидалъ, да и налѣжилъ на руку.

Опять потянулъ жильё мастеръ, а Иванушка заспалъ и со стула покатился. А мастеръ его за руку поднимать началъ и перстень увидалъ на ѣмъ.

— Гдѣ ты этотъ перстень взялъ? спросилъ у ѣго.

— Я ходилъ, говоритъ, въ лѣсу, да-й увидалъ человѣка и купилъ у него дѣвушку, а дѣвушка дала перстень.

— Ахъ, другъ мой! если бы ты раньше сказалъ, не надо бы человѣка портить. У меня гуслей двѣ кладовой готовыхъ есь. Ты-мнѣ названнѣй братъ: сестра за тобой, а я тебѣ шуринъ, а гуслей у меня—сколько хочешь.

Сталъ его мастеръ обнимать и въ уста сахаръни цѣловать, повелъ его въ бѣлокаменны полаты и сталъ его угощать, любезнымъ зятемъ называть; ну, и далъ ему гусли-самоигры, поставилъ ихъ на столъ. Ну, и валяютъ гусли, только держись, сами играютъ, никто ихъ не шевелить.

— Ну, шуринъ, говоритъ Иванъ; теперь которыхъ ты отобралъ робятъ, пусь у тебя останутся, а я не возьму ни одного,—дѣлай изъ нихъ гусли.

Погостилъ Иванушко долго ли, коротко ли, отправляется домой. Шуринъ отдаетъ ему ишшо три корабля съ приданнымъ да съ людямъ да съ товаромъ. Вотъ они пришли въ гавань, якоря выкатали, паруса подняли, отправились по морю домой въ свое мѣсто. Идутъ они близко ли далѣко, низко ли высоко,—я сказываю скоро, они идутъ по своему успѣху, и подходятъ подъ свое государство. Царь увидалъ, думалъ, что война идетъ. Эстолько караблей, а послалъ одного! Испугался. А увидалъ—свой флагъ идетъ впереди, такъ отошло сердце.

Вотъ приѣзжаетъ Иванушка домой. Паруса опустили, якоря покидали. Купцы стоятъ на угорѣ и кричатъ:

— Гдѣ мой сынокъ? А гдѣ мой?

А онъ показывать подъ пазуху на гусли.

— Вотъ твой гдѣ! Вотъ твой гдѣ!

Заходитъ онъ къ царю. Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здравствуй, брателко! говоритъ царь.

— Здравствуйте, Ваше Царско Величество.

Вотъ онъ поставилъ гусли на столъ, а они какъ начали

ворочать, только гуль идё. Сами валяютъ, никто не заставляе.

— Ну, хорошо, братецъ крестовой, что досталъ. До свиданія.

И распрощались они. Какъ только Иванушко ушолъ, гусли стали, царь больше и заставить не можотъ, такъ и стоять.

Вотъ Иванушка приходитъ домой и живетъ опять долго ли, коротко ли. Купцы опять вознегодовали на него и пошли опять, можетъ быть, челоуѣкъ трицетъ. Ужъ унистожить нать какъ-нибудь: сколько дѣтей уходилъ! Опять идуть по Нескому прищпекту мимо зеленой кабачокъ. Пьянюшка опять и выскакивать.

— Здравствуйте, господа купцы!

— Здравствуй, добрый челоуѣкъ!

— Далечо ли вы пошли, далечо ли путь держите?

— Да вотъ на нашего ратмана, на царева брата повратъ чего-нибудь.

— Ахъ вы, робята, робята! Я вамъ все говорилъ, худо будетъ, если что сдѣлать!

— Ну, ужъ дѣлать нечего: пошли, такъ не воротимся.

— Становите ведро вина да слушайте, что буду говорить.

— Какъ вы прѣдите къ царю, такъ и говорите: „Нашъ ратманъ, а твой названный братъ похваляется достать чудо и диво“,—только и скажите царю.

Купцы отправились, а ему оставили вино. Пришли. Царю дѣлають докладъ, что купцы пришли. Царь приказалъ ихъ допустить. Купцы зашли въ бѣлокаменны полаты. Царь ихъ спрашиваетъ:

— Далечо ли пошли, далечо ли путь держите?

Они и рассказали:

— Нашъ ратманъ, а твой названный братъ, похваляется достать чудо и диво.

Купцы ушли, а царь послалъ за братомъ. Братъ прѣхалъ, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину. Царь и говоритъ ему:

— Ахъ ты, брателко названный! Для чего же мы записъ сдѣлали, чтобы другъ безъ друга думы не думать и совѣта не совѣтовать, а ты съ купцамъ—вахлакамъ занимаешься

экипа пустыма разговорамъ,—чудо и диво достать похвляешься. Чтобы было достато, а не то—голова съ плечъ!

— Ахъ, Ваше Царско Величество, только сонъ свой и знаю, ни съ кѣмъ я не разговариваю.

— Какъ такъ? Если бы ты съ моимъ не разговаривалъ, такъ какъ же бы они знали?

Пошолъ Иванушко домой. Дѣвушка опять говорить ему:

— Что же ты, Иванушко, не весель, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ плечъ?

— Молчи, говорить, такая-сякая! Изъ-за тебя смерть приходитъ: надо достать чудо и диво.

— Ну, говорить она, этого я не знаю! Только отъ дѣдушки слыхала, что по этой дороги нать итти.

Напекли ему подорожничковъ, онъ и отпавился въ путь-дорожку широку. Идетъ онъ близко ли-далѣко, низко ли-высоко,—я сказываю скоро,—онъ идетъ по своему успѣху. Вдругъ у него эти подорожнички вышли, которы у него были напечены, поисъ захотѣлось, а ись нечего. Вдругъ увидалъ домъ, преогромный такой стоитъ.

— Да-ко, говорить, схожу въ этотъ домъ, нѣтъ ли чего-нибудь поисъ.

Заходитъ въ этотъ домъ; а въ домѣ ничего нѣтъ и званья, только гусли да титары да балалайки по стѣнамъ. Онъ и говорить самъ собѣ:

-- Кто-нибудь ходитъ въ этотъ домъ, надо подождать.

На скрытно мѣсто сталъ, за печку куда-нибудь запехался. Сидитъ въ скрытномъ мѣсти. Вдругъ слышитъ потомъ: бѣжитъ человекъ, только ступни говоряа. Забѣжалъ въ фатеру, пальто скинулъ, на лавку бросилъ и скамандовалъ:

— Страусъ! отчего животъ здравъ и голова весела!

— Сейчасъ, сударь, готово! отвѣтилъ невидимый Страусъ и наносилъ ему питеньѣ, ѣденьѣ и кúшаньѣ. Молодецъ напился, наѣлся и вышелъ изъ-за стола, вышелъ, хватилъ титару, переигралъ во всѣ балалайки, гармоли, пальто навернулъ да и аршъ изъ фатеры, ушолъ.

Иванушко стоялъ-стоялъ за печкой, вышелъ посмотрѣть, не осталось ли чего ись, нѣтъ ли какого кусочка. Глядитъ—на столи ничего нѣтъ. А ись охота. Вотъ онъ тихонько и говорить:

— Страусъ! Отчего животъ здоровъ и голова весела!

— Сейчасъ! отвѣтилъ Страусъ, буди готово, и началъ рыть на столъ хоть сколько питенья и ѣдений. Иванушко напился и наѣлся, и вышелъ изъ-за стола и говорить тихонько:

— Покорнѣйше благодарю, господинъ Страусъ, что напоилъ меня и накормилъ!

— Ахъ, отвѣтилъ Страусъ; я сорокъ лѣтъ у хозяина живу, а никогда не слыхалъ благодарности, а ты вотъ поблагодарилъ меня за хлѣбъ и за соль. Хорошо, другъ мой! Я знаю, зачѣмъ ты пошелъ!

— А если знаешь, такъ пособи.

— Чудо-то ты нашолъ, а диво найдемъ, говоритъ Страусъ. Вотъ пойдемъ по этой дороги.

Вышли они изъ фатеры. Иванушко и кричить:

— Страусъ! гдѣ ты?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Я здѣсь! Сказалъ, что пойду, такъ чего же ты безпокоишься.

Пошли они по коидору. Иванушко опять спрашивать:

— Страусъ! гдѣ ты?

— Экой ты какой! Ну, чего ты безпокоишься: я здѣсь. Пошли они по дороги. Вотъ Страусъ и сказывать:

— Придемъ къ морю, а тамъ карапъ обсохъ. Господа всѣ на берегу и салдаты всѣ на берегу сидятъ у огня. Ты придешь къ огню и спроси у нихъ: „Что, господа матросы, нельзя ли у васъ огонькомъ опользоваться?“ Они тебѣ и скажутъ: „Изволь, добрый человѣкъ, бери, сколько хочешь!“ Какъ трубки ты покуришь, такъ и спроси: „А что, господа матросы, нельзя ли васъ попотчевать!“ Они и скажутъ: „А не худо, добрый человѣкъ, какъ попотчуешь!“ „А ты и скажи: „Страусъ! отъ чего животъ здоровъ и голова весела?“ А я и соберу сейчасъ всѣмъ матросамъ и всѣмъ господамъ. Вотъ они всѣ будутъ напиваться и всѣ наѣдаться. Одинъ полковникъ и одинъ генералъ скажетъ тебѣ: „Хороша штучка, для насъ очень удобна!“ Онъ спроситъ: „Нельзя ли промѣнять эту штучку? У насъ, говоритъ, есъ тоже хороша штука, только для насъ не годна, а твоя для насъ способна.“ Ты, смотри, эту штуку у него вымѣняй и положи ее въ корманъ. Смотри, промѣняй меня, не жалѣй.

Вдругъ вода подыметъ, генераль скамандуетъ салдатамъ на карапъ. Матросы забѣжатъ на карапъ, генераль забѣжитъ на карапъ, а ты иди сзади, а я провожу генерала и вернусь къ тебѣ.

Иванъ такъ и сдѣлалъ.

Генераль пошолъ на карапъ и кричитъ:

— Страусъ! гдѣ ты?

А Страусъ отвѣчаетъ:

— Я давно на карабли, а ты сзади попадаеишь!

Якоря выкатали, паруса подняли и карапъ отправился.

Иванушко сидитъ у огня.

— Ахти мнѣченько! Гдѣ у меня дружокъ Страусъ?

А тотъ отвѣчатъ:

— Давно ты меня не споминашь, а я давно у тебя сижу.

Ладно, пойдемъ мы съ тобой, Иванушко, въ свое мѣстечко.

Идутъ они близко ли—далеко, низко ли-высоко—я сказываю скоро; они попадаютъ по своему успѣху. И пришли опять въ свое государство, и пришли къ царю. Заходитъ Иванушко въ бѣлокаменны полаты, и гусли сразу заиграли, какъ онъ вошолъ. Иванушко Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здравствуй, братецъ названный, крестовой! Что досталъ?

— Досталъ.

Сичасъ онъ скамандовалъ:

— Страусъ! Отъ чего животъ здоровъ и голова весела?

Страусъ и началъ на столъ питеньё—ѣденьё готовить, началъ рыть за окошко царску небель, эти диваны, зеркала, всё, всё, рѣшительно все вырылъ за окошко, а всё свое поставилъ, не оставилъ ни одной штучки.

Сѣли за столъ, началъ царь угощаться съ брателкомъ крестовымъ. Царь и сказалъ:

— Ну, братецъ, я и вѣкомъ ничего такого не слыхалъ! Такъ я хорошо напился и наѣлся. Это чудо хорошо у тебя найдено, давай диво показывай.

— Нѣтъ, названный крестовой братъ, сегодня не покажу: усталъ. А съ утра ты собери своихъ жителей на паратно мѣсто, всѣхъ, сколько есь въ городѣ, стараго и малого, тогда я и покажу диво.

Такъ и распростился съ брателкомъ и пошолъ домой.

Вотъ ночь прошла. Наутро всталъ, пошолъ, и у царя ужъ все приготовлено,—не терпится,—всѣ жители выгнаны, и старый и малый.

— Вотъ царь, гляди!

Сичасъ ширинку вынялъ изъ корману; въ сторону махнулъ—вездѣ деревни да селá. Въ другую сторону махнулъ—вездѣ города; въ третью сторону махнулъ—вездѣ моря, и въ четверту сторону махнулъ,—и повалило войско, и смѣту нѣтъ!

Царь потомъ испугался и сказалъ:

— Названный крестовый братъ! Закрой ширинку Бога ради!

— Нѣтъ, брателко, не закрою! Моё войско иди и голову руби, кто на меня зло думать.

Войско пришло и перву голову смахнуло царю, а кто на его зло думалъ, тѣхъ начали рубить и крестить, всѣмъ рубили головы: и купцамъ, и кто со стороны думалъ, можетъ, старуха какá. Самая малая часть людей осталась въ томъ городе.

Послѣ этого Иванушко женился на этой дѣвушки, и самъ царемъ сдѣлался, и самъ сталъ всѣмъ царствомъ управлять, со своимъ Страусомъ жить.

Я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Запис. отъ Ѳ. В. Огаркова. Онежскій у. 1912 г.

5. О Жарь-Птицѣ и о Царѣ Иродѣ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ у царя былъ садъ преогромной-большой. А мышка да воробейко ходили въ саду, нашли зѣрнышко они, жито ли какó тамъ, и разодралисе: тому нать склюнуть и той нате съисъ. Мышь и говорить:

— Воробей! что же намъ битьсе-драться промежъ собой; а соберемъ, говорить, войско,—ты собери своихъ птицъ, а я своё звѣрьё въ этотъ садъ,—и войну произведемъ. Мышка своё звѣрьё собрала, воробей своихъ птицъ тоже